

«Небеса милостивые, предки явили своё присутствие!»

«Хэ Бянь и правда может призывать духов предков!»

Иначе как объяснить этот странный ураган при ясном небе, этот вихрь камышовых метёлок, похожий на снежную бурю, и появившиеся в одно мгновение письма на земле?

Стоял знойный июнь, а вдруг повеяло пронизывающим холодом.

Все присутствующие остолбенели. Голова кружилась, мысли исчезли, будто кто-то с силой пригнул их спины — и люди один за другим сами опустились на колени перед Хэ Бянем.

Старуха У, заговорила:

«О, предки! Я жена Тянь Гуаншаня, прошу вас, благословите наш дом множеством детей и счастьем, пусть урожай будет богат, а скот плодится!»

Тан Гуй поспешил перебить:

«Благословите наши поля плодородием и чтобы навоза было побольше!»

Старуха У метнула на него мутный, почти свирепый взгляд, затем снова с грохотом поклонилась Хэ Бяню, ударяясь лбом о землю:

«Даруйте мне, старухе, ещё несколько лет жизни!»

Не только они — остальные тоже, опомнившись, начали один за другим кланяться. Ещё недавно дрожащие губы теперь наперебой произносили самые искренние молитвы.

Каждый бился лбом о землю с благоговением и тревогой, то и дело поднимая глаза на неподвижную, строгую фигуру худощавого юноши.

Все боялись, что предки могут не услышать или понять неправильно.

Среди них была и старейшина по возрасту — та самая старуха У. Обычно, пользуясь своим положением, она не упускала случая поучать других; даже глава рода уступал ей. Не только Тянь Ваньсинь её боялся и обходил стороной — даже Чжан Мэйлинь и плотник Тянь, хоть и недолго любили её, при встрече вынуждены были быть почтительными и терпеть её упрёки.

Та самая старуха, которую вся деревня терпеть не могла, но ничего поделать не могла, сейчас, подняв руки к небу, затем прижимаясь к земле, снова и снова простиралась ниц перед Хэ Бянем, совершая поклоны всем телом.

Ван Саньлан — тот самый деревенский хулиган, которого боялись все, даже Тянь Ваньсинь старался держаться от него подальше, — теперь тоже, как и старуха У, бился лбом о землю, вымаливая благословение.

И несколько женщин постарше, и те самые задиристые парни, которые прежде ничего не боялись и вечно искали приключений, — все теперь стали словно верующими перед Хэ Бянем.

«Нет! Он вовсе не тот, за кого себя выдаёт! Вы все обмануты! Этот Хэ Бянь — просто притворяется, морочит вам головы!»

Тянь Ваньсинь, будто увидев призрака, побледнел как полотно. Страх сжимал его так, что

взгляд стал почти безумным, и он истерично закричал:

«Он вас обманывает, это всего лишь трюк! Ничего из этого не правда! Если бы в нём действительно были предки, разве моя мать упала бы в обморок?! Это злой дух вселился в него! Давайте вместе избавимся от него!»

Хэ Бянь посмотрел на него.

В тот же миг Ван Саньлан и Тан Гуй вскочили с земли: один ударил Тянь Ваньсиня по левой ноге, другой подсёк правую. Тот рухнул, словно подбитая птица, лицом прямо в землю, набрав полный рот грязи.

Боль была такой сильной, что его красивое лицо исказилось. В ушах звенели ругательства Ван Саньлана и Тан Гуя.

Те самые парни, что раньше бегали за ним, восхищались им, теперь наперегонки били его и топтали.

«Я не оскорблял предков! Он вовсе не тот, за кого себя выдаёт!»

Тянь Ваньсинь поднял голову и с гневом выкрикнул, но старуха У резко оборвала его:

«Ты просто не смеешь признать это или правда не веришь? Не верти глазами! Смотри мне в глаза и говори!»

Под её давлением взгляд Тянь Ваньсиня заметался, но слова отрицания так и не сорвались с губ.

Старуха У продолжила:

«Да ты просто боишься признать! Ваша семья измывалась над Хэ Бянем, а теперь страшится, что он поднимется. Потому и решили заодно и предков оскорбить!»

Хэ Бянь произнёс:

«Неблагодарные потомки, на колени!»

С глухим стуком — никто не остался стоять.

Хэ Бянь смотрел на Тянь Ваньсиня, стоящего перед ним на коленях, и уголки его губ невольно дрогнули в едва заметной улыбке. А Тянь Ваньсинь, оцепенев, глядел на него, руками нащупывая собственные колени, медленно опуская голову — челюсть у него была сжата от страха.

Он дрожал, зубы стучали. Позади у него будто больше никого не осталось... Но ведь мать обязательно заступится за него — он цеплялся за эту мысль. И вдруг их взгляды встретились.

Пока вокруг стояла тишина, Чжан Мэйлинь осторожно приоткрыла глаза — и тут же наткнулась на полный паники взгляд сына.

Она в ужасе снова крепко зажмурилась.

Словно увидела что-то грязное.

В этом взгляде Тянь Ваньсинь уловил тень вины — и понял: его мать вовсе не на его стороне.

Будто из его спины выдернули кости — он ссутулился, плечи опали, с лица исчезло всякое упрямство и сопротивление.

Он ещё раз поклонился Хэ Бяню, не поднимая головы.

Слабым, сиплым голосом Тянь Ваньсинь произнёс:

«Прошу предков простить меня, недостойного потомка. Меня избаловали, я глуп и неразумен... Я не хотел идти против вас».

Стоило Тянь Ваньсиню признать вину, как страх внутри него захлестнул все защитные барьеры. В голове начали всплывать все его поступки по отношению к Хэ Бяню — и от этого ему стало так страшно, будто его медленно разрывают на части за спиной.

Он дрожал всем телом, снова и снова кланялся Хэ Бяню, одновременно вымаливая прощение, лепетал бессвязные оправдания, будто хватаясь за последнюю соломинку.

Он говорил, что в детстве, когда Хэ Бяня заставляли становиться на колени, он сам просил за него родителей... ночью оставлял ему открытой дверь... а когда видел, как других его обижают, плача вставал перед ним, закрывая собой...

Чем больше он говорил, тем слабее звучал его голос. Видя, что Хэ Бянь никак не реагирует, он срывался почти на крик, умоляя о пощаде.

Если на него навесят обвинение в "непочтении к предкам", он станет преступником всей деревни Тяньцзя — и такого конца он вынести не сможет.

Уголки губ Хэ Бяня едва заметно дрогнули.

Взгляд Тянь Ваньсиня застыл в напряжённом ожидании. Сгорбившись, он не знал, какое наказание его ждёт.

И тут Хэ Бянь спросил:

«По твоим словам выходит, что раньше ты плохо со мной обращался? Что ваша семья обращалась со мной как с прислугой, не пускала на праздники и родовые жертвоприношения — и всё это было по воле твоей матери?»

Тянь Ваньсинь вздрогнул. Увидев, что на него смотрят Тан Тяньцзяо и другие, он окончательно запаниковал, сглотнул и, словно не он сам говорил, а какой-то чужой трусливый голос, выдал:

«Да... всё это делала моя мать».

Чжан Мэйлинь, до этого притворявшаяся без сознания на земле, резко вскочила, словно её ударили.

«Что ты сказал?! Ты теперь на меня всё сваливаешь?!»

Она поднялась и, кипя от ярости, закричала:

«Без меня ты бы мог стать самым белым, красивым и способным мальчиком в деревне?!»

Неблагодарный! Как только у тебя появились проблемы — всё на меня переложил!»

Тянь Ваньсинь, уже утопающий в чувстве вины, и без того говорил это как временную отговорку, но публичный упрёк матери окончательно раздавил его.

«Разве это не ты меня таким избаловала?» - сорвался он. «Это ты всегда говорила, что Хэ Бянь — наш раб, что нужно есть мясо и скрывать от него, что если он просил добавку — я должен был плакать и устраивать истерику! Ты говорила не давать ему хорошего отношения, чтобы он не начал давить на меня как старший! Всё это ты мне и велела! И ещё! Я вообще не притворялся, что потерял сознание! Ты же видел, как меня окружили, но всё равно позволил мне одному разбираться! Это ты, мать, первой меня бросила и предала!»

Старуха У тут же рявкнула:

«Чжан Мэйлинь, посмотри, как ты сына воспитала! Тянь Мучан зарабатывает кровью и потом вне дома, а ты в семье вырастила кривую ветвь! Как говорится — неудачная жена губит три поколения!»

Чжан Мэйлинь от ярости перекосило лицо. Она окончательно потеряла остатки разума и, схватив Тянь Ваньсиня, начала его бить.

Тянь Ваньсинь не смел сопротивляться — только плакал, будто на него обрушился весь мир.

Чжан Мэйлинь била его и плакала одновременно. Её сердце будто вырвали. Она и представить не могла, что ребёнок, которого она так берегла, окажется неблагодарным предателем.

А приёмный сын, которого она с детства заставляла работать, раньше ведь был таким послушным и заботливым...

«Не зря говорят: “палка воспитывает послушных сыновей” — значит, я его просто недостаточно била раньше» — мелькнула у неё жестокая мысль.

Тянь Ваньсинь, получая удары на глазах у всей деревни, был унижен до смерти. Он ведь должен был скоро свататься — как после такого показаться людям?

А мать... совершенно не думала о его будущем и лице.

Он стиснул зубы, опустил голову и не смел смотреть на окружающих, но шёпот и насмешки били по ушам особенно больно.

«Вот тебе и почтительный сын...» - донёсся голос Тан Тяньцзяо.

Тянь Ваньсинь, будто получив нож в сердце, резко вскинул голову и с яростью посмотрел на неё. Но вокруг уже никто на них не обращал внимания — все стояли на коленях перед Хэ Бянем, сосредоточенные, словно он был единственным центром мира.

От этого унижение стало ещё сильнее: он когда-то был центром деревни, все восхищались им, а теперь даже взгляд никто не бросал — всё было обращено к Хэ Бяню.

Тан Тяньцзяо, стоя на коленях перед Хэ Бянем, почтительно сказала:

«Старый предок... прошу, благословите моих потомков, чтобы все они были почтительными и достойными детьми. И защитите моего сына Чанлиня от злых духов... Старый предок... а он там, внизу... у него всё хорошо?»

Хэ Бянь, стараясь сохранять суровую невозмутимость, едва заметно моргнул.

Он посмотрел на Тан Тяньцзяо — сильную женщину, которая всегда держала семью на плечах, — и вдруг увидел в ней не грубость, а хрупкость и растерянность. Оказывается, под жёсткой внешностью тоже может скрываться мягкое, уязвимое сердце.

«Твой сын давно уже переродился. Он родился в богатой семье, стал младшим сыном в доме, где всего в достатке».

Тан Тяньцзяо на мгновение застыла. Она упёрлась руками в землю и замолчала, будто переваривая услышанное. Затем в её лице появилось странное облегчение и даже радость.

Она тихо пробормотала:

«Так вот почему я последнее время не вижу его во сне... Я думала, он где-то застрял и не может уйти. Оказывается, он уже переродился».

Старуха У со вздохом покачала головой:

«Вот теперь тебе и правда можно успокоиться. Не надо больше держаться через силу. Найди себе мужчину из рода, выйди замуж. Ребёнок уже подрастает — и у тебя тоже скоро жизнь наладится».

Тан Тяньцзяо от этих слов ощутимо раздражилась. Какая ещё "жизнь наладится"? В их глазах женщина без мужа даже улыбаться не может по-настоящему. Но сама она вовсе не собиралась снова выходить замуж.

Хэ Бянь вдруг сказал:

«Когда Линь отправлялся на службу, он закопал кувшин вина под айлантовым деревом на вашем огороде. Сказал — откроете, когда сын женится.

Даже если бы он не сказал, в день свадьбы Тянь Гуя дерево всё равно срубили бы на мебель — и тогда этот кувшин всё равно нашли бы под корнями».

Хэ Бянь помнил тот год: Тан Тяньцзяо однажды сидела в доме — то смеялась, то плакала. А кувшин вина так и остался нераспечатанным.

Тан Тяньцзяо замерла, а затем вдруг резко поднялась и побежала прочь. Тан Гуй тоже на мгновение застыл, глаза его быстро увлажнились. Он вытер слёзы, неловко опустил на колени перед Хэ Бянем и бросился догонять мать.

Старуха У тут же поспешила занять их место ближе всех к Хэ Бяню. Сложив руки в почтительном жесте и заговорила:

«Старый предок... можно ли мне много сыновей и внуков? Не дай бог, чтобы род прервался на моём сыне... А моя невестка... она правда носит мальчика?»

Старуха У, обычно самая свирепая в деревне, сейчас стояла на коленях с вытянутым, напряжённым лицом, нервно всматриваясь в выражение Хэ Бяня.

Хэ Бянь почувствовал лёгкое беспокойство.

Эта старуха была в деревне самой страшной. С детства она называла его "неприученной

неблагодарной дрянью", говорила, что "чужого ребёнка растят". Он каждый раз, проходя мимо её дома, боялся поднять голову. Только когда за спиной был тяжёлый груз — хворост или свиная трава — он решался пройти мимо.

И не только он. Когда дети в деревне не могли успокоиться, взрослые пугали их: «Отведём к бабке У — будешь её внуком!» — и те сразу замолкали.

Хэ Бянь нервно дрогнул ресницами.

И вдруг сбоку на него легла тень — мужчина рядом сделал шаг ближе, и теперь Хэ Бянь полностью оказался в его тени.

<http://bllate.org/book/17226/1616174>